

Глава первая

Ханна вытерла с лица брызги дождя, толкнула вращающуюся дверь и вошла в холл отеля.

— Сыровато сегодня, мисс Кэмпбелл, — прокомментировал ее появление беззаботно улыбающийся молодой человек за стойкой ресепшена. — В баре есть чудесный камин, если хотите отогреться. Боюсь, вы выбрали не лучший день, чтобы любоваться видами.

— Да уж! — рассмеялась Ханна, стаскивая шляпу и стряхивая капли воды с кудряшек. — Хотя одним глазком я все-таки на Тринити-колледж взглянула.

Правда, увы, не удалось увидеть ни Келлской книги, ни Длинной комнаты библиотеки, а ведь они стояли первыми в ее списке. Но толкаться в толпе мокрых туристов, от которых несет отсыревшей собачьей шерстью... Спасибо, у нее завтрашний день впереди, а потом еще шесть недель в придачу.

— Позвольте ваше пальто. Я могу повесить его тут, в гардеробной. Оно отлично высохнет, а вам не придется лишний раз подниматься в номер.

Вот они, преимущества маленького бутик-отеля. Ханна радостно улыбнулась. Погреть ноги у камелька сейчас очень кстати! Там и сообщение Мине можно отправить: поблагодарить за то, что та посоветовала это место. Если бы не сестра, Ханна остано-

лась бы где попало, как если бы всего на одну ночь. Но Мина всегда находила именно то, что нужно.

Ханна отдала свое вымокшее пальто и прошла в уютный бар, овеванный чарующим духом старины. Здесь искусно и с любовью была воссоздана обстановка заката Викторианской эпохи. Человек, попавший в это помещение с мягким приглушенным светом, будто оказывался в теплом коконе: особенно приятно, когда снаружи разбушевалось ненастье. За длинной деревянной стойкой бара, украшенной медной, тускло поблескивающей отделкой, стоял еще один молодой человек с открытым дружелюбным лицом. По традиции этого отеля, он тотчас развернулся к Ханне, словно именно ее и хотел сейчас увидеть.

— Здравствуйте! Чем могу помочь?

В его улыбке мелькнуло чисто мужское одобрение. Следовало бы привыкнуть к такому. На работе были женщины вроде Сэди Бернс-Куттс, к которой Ханна изо всех сил пыталась проникнуться симпатией, — и вот ей-то, с ее стройной фигурой, длинными прямыми волосами и кокетливой улыбкой, постоянно перепадало подобное внимание. Ханна же не испытывала уверенности ни в своей внешности, ни в способности флиртовать. Ее гораздо больше занимало интеллектуальное развитие. Но почему бы наконец не расслабиться? Просто порадоваться жизни, вкусной еде, и почему бы не попробовать свои силы в чем-то новом?

— Я как раз раскупорил бутылку прекрасного бордо, с нотами сливы и черной смородины. То, что надо для такой погоды. Или лучше виски? У нас есть очень хорошее, приготовлено здесь, в Дублине. Отлично согреет!

И снова одарил ее своей волчьей улыбкой.

Ханна заколебалась, охваченная обычно несвойственной ей нерешительностью. Она-то на кофе настроилась. Но искушение чем-то более декадентским вызвало внутреннюю бурю. Все-таки только четыре часа. С другой стороны, почему бы и нет? Она же не собирается брать это в привычку. Время жить рискуя! Да и много ли риска в бокале вина. Ханна едва не рассмеялась. Для нее-то как раз опасность прямая. Она всегда все делала по правилам. Поездка в Ирландию стала первым нетипичным для нее поступком. Начальник был в шоке, когда она попросила творческий отпуск, да и семья отреагировала не лучше. Будь на ее месте Мина, импульсивная, непоседливая, никто бы так не удивлялся.

— Бокал красного вина, пожалуйста.

— Отличный выбор. Присаживайтесь, а я вам принесу.

Еще немного баловства. Пускай принесут на блюдечке. Ханна кивнула и окинула взглядом комнату. Почти никого, только возле окна обосновался семейный междусобойчик: длинный стол был заставлен пустыми тарелками и стаканами и пополняющимися рядами бутылок. Оживленная болтовня и смех, доносившиеся оттуда, добавляли атмосфере домашнего уюта. Ханна, улыбаясь, направилась к большому камину и двум креслам с подлокотниками, словно попавшим сюда из кабинета Шерлока Холмса. Она плюхнулась на пышные бархатные подушки и поставила ноги на скамеечку поближе к огню.

Когда появился официант с бокалом, Ханна уже удобно устроилась во вместительном кресле, подобрала под себя отогретые ноги. Прямо как в детстве, когда она забиралась с книжкой в глубины дивана и никто не знал, где она.

— Спасибо.

— На здоровье. Вы выбрали лучшее место в доме.

Ханна пригубила густое рубиновое вино и вздохнула от удовольствия. Это рай, и у нее есть то, что необходимо для полного блаженства: книжка. Чтение, бокал вина, камин и никаких забот. Идеально. Она уже и не помнила, каково это — не нырять с головой в подготовку к экзаменам, получение квалификации юриста, написание статей, а в последнее время еще и бесконечные дедлайны. Жаловаться, конечно, не приходилось: Ханна любила свою работу, прекрасно с ней справлялась, и ей хорошо платили. С учетом этого всего творческий отпуск был самым безрассудным поступком в ее жизни, и она сама не могла точно сказать, зачем он понадобился. Никакого кризиса среднего возраста, или незадавшейся любовной интрижки (а было бы неплохо), или временного помутнения рассудка — ничего из того, что предполагали охваченные отчаянием начальник и коллеги. Что на самом деле подтолкнуло Ханну податься на кулинарные курсы в Ирландии, так это неловкость ее положения: тридцатник не за горами, а готовить она не умеет. Сестра на кухне как рыба в воде, а Ханна до поры до времени утешала себя тем, что ей просто не достался кулинарный ген, но в конце концов стало стыдно.

Идея не отпускала Ханну с тех пор, как она прочитала о кулинарной школе Киллоргэлли в приложении к «Санди Таймс», особенно после того, как она сообразила: это же в двух шагах от ее друзей, Эйдана и Сорчи Фицпатрик. С тех пор как они вернулись из Манчестера в Ирландию, повидаться так и не удалось, а ведь она обещала! Разве это не знак? Отправиться в кулинарную школу, оставив работу, — это, конечно, совсем не в ее характере, но какой приятный бонус!

Может, она так долго избегала готовки, чтобы не конкурировать с Миной? Ханна всегда старалась уступать сестре, компенсируя тем самым свои преимущества перед ее импульсивностью. Именно она всегда успокаивала их приемную семью, поддерживая уверенность: того, что случилось с настоящими родителями, с сестрами не повторится.

Что ж, теперь поздно раздумывать, правильно ли она поступила. Завтра она сядет во взятую напрокат машину и покатит в графство Керри на другом конце Ирландии, к своим шестинедельным курсам. А сейчас надо просто выкинуть все из головы и наслаждаться жизнью.

На этом Ханна отпила вина и устроилась с книжкой поудобнее. Вино было превосходным, и когда очаровательный бармен (попробуй не быть очаровательным, когда выпивку впариваешь) предложил второй бокал, она согласилась без раздумий. И настолько пригrelась в своем уютном гнездышке у камина, что веки вскоре потяжелели. Шумная семейка снялась с места и с гомоном удалилась, и, когда го-

лоса стихли в отдалении, Ханна опустила книжку на колени и закрыла глаза.

Восхитительный сон что-то нарушило. Мягкое постукивание по дереву. Ханна встрепенулась, заморгала и уставилась в чьи-то великолепные голубые глаза. Расслабляющая обстановка подействовала настолько, что она, не задумываясь, одарила обладателя этих очей обворожительной улыбкой.

— Привет.

Томное мурлыканье отличалось от ее обычного голоса настолько, насколько это вообще возможно.

— Извините, я не хотел вас потревожить. — Обладатель голубых глаз улыбнулся с таким обезоруживающим видом, будто он по десять раз на дню беспокоит дам и ни на йоту из-за этого не замораживается. — Я не знал, что здесь кто-то есть.

Никто из них при этом не отвел взгляд, и в воздухе между ними как будто зароились яркие искорки.

А потом он взял и все испортил: обернулся при звуке зычного женского голоса и рухнул в соседнее кресло. Спрятался.

Ханна по-прежнему сонно смотрела на незнакомца и гадала, не материализовался ли он из ее фантазий. Темные брови вразлет над ярко-голубыми глазами, щетина, тенью покрывавшая подбородок, — от него исходило ощущение опасности, как от пирата.

Тут же захотелось дать себе затрещину. Пошлость какая. Мужчины выглядят как пираты только в кино. Во всяком случае, среди ее знакомых таких нет. Вот что бывает, если хлебнешь лишнего средь бела

дня. Бурные фантазии — это не про Ханну Кэмпбелл. И все-таки она улыбалась и улыбалась.

— Я никому не скажу. — И она игриво подмигнула. Она — игриво? Что происходит? — А если поставите ноги на скамеечку, вас вообще никому не будет видно.

Он коварно ухмыльнулся и последовал совету. Зычный голос допрашивал бармена.

— А вы уверены, что его здесь нет? По-моему, я его видела. Я его знаю, это мой друг.

— Ничуть не сомневаюсь, но его здесь нет, — последовал мягкий, но решительный ответ.

Человек, сидевший возле Ханны, улыбнулся и одними губами произнес: «Спасибо!»

Но тут каблуки зацокали в их сторону, и он, поморщившись, как можно глубже вжался в кресло.

Цок-цок-цок — гремело целеустремленное скакатто, и незнакомец прикрыл глаза, будто надеялся стать невидимым.

Ханну будто чертик под руку толкнул. Она мгновенно перекинулась в другое кресло. Незнакомец только и успел что охнуть и вытаращить глаза, когда она очутилась у него на коленях. Цок-цок-цок. Все ближе. Ханна наклонилась, и ее вьющиеся волосы волной закрыли лицо незнакомца.

И куда теперь деваться? Они так и пялились друг на друга, когда шаги резко стихли. Незнакомец притянул Ханну ближе. Теперь совсем нос к носу. Дыхание перехватило, и она уставилась на него, как под гипнозом.

— Ой, простите.

Шаги стали удаляться, но оба не шевелились, пока они совсем не стихли.

— Я должен вас поблагодарить, — прошептал незнакомец, не сводя глаз с Ханны, и губы его изогнулись в обаятельной улыбке.

— Должны, — подтвердила она.

— Какие будут предложения? — Он перевел взгляд на ее губы, и у Ханны замерло сердце.

Ничего не делай с губами, Ханна. Не привлекай к ним внимание. Вообще двигай ртом поменьше. Черта с два. Она поджала губы, призывно смачивая их кончиком языка. Гормоны пустились вразнос.

И он ответил на призыв. Тем самым поцелуем, который и был на уме у обоих. Быстрое и мягкое прикосновение к губам заставило Ханну неосознанно выдохнуть в ответ. И это, как она сама потом себе сказала, было ошибкой. Стоило ей отозваться с отчаянной безоглядностью — она так давно не целовалась! — как он тут же стал действовать решительней. Тогда-то все и изменилось. Мечтательное, легкое прикосновение губ превратилось в нечто иное, нервные окончания завибрировали, точно по ним пробежали тысячи вольт. Незнакомец, видно, тоже почувствовал это, потому что подался вперед — и Ханна очутилась в чудесной, восхитительной ловушке, где и ее целовали, и она целовала сама. Потрясающе, головокружительно — и совершенно не в ее характере.

Незнакомец явно никуда не спешил, и Ханна ничуть не возражала. Да и с чего бы? Он так хорошо обвил ее руками, запустил руку в волосы и щекотал

шею легкими, как прикосновения перышек, движениями. Определенно, она где-то посеяла здравый смысл, пока спускалась утром по трапу самолета, и не собиралась его искать.

— Э-э, извини, Конор...

Они отпрянули друг от друга. Ханна залилась краской. Целоваться на людях, стыд какой!

— Молодая дама ушла.

Бармен кивнул и зашагал прочь, но они успели заметить его ухмылку.

— Спасибо, Найл, — крикнул Конор ему вслед, а Ханна зажмурилась. Ее застучали. На коленях у совершенно незнакомого человека. Хоть знает теперь, как его зовут. И что теперь делать? Даже глаза открыть страшно.

Ладно, это просто нелепо. Что она, шестилетка? Она осторожно приоткрыла один глаз. Мужчина по имени Конор смотрел на нее и улыбался.

— Пожалуй, надо представиться.

Ханна выпрямилась. Изо всех сил пытаясь сохранить достоинство, слезла с его колен и вернулась в свое кресло.

— Да, — слабым голосом вымолвила она. — Хотя я уже знаю, что вы Конор.

Его улыбка слегка померкла.

— Тут у вас преимущество.

Перемена тона озадачила Ханну.

— Это ведь ваше имя?

— Вы же сказали, что знаете?

Ханна нахмурилась. Возникло такое чувство, будто она идет по краю болота: один неверный шаг —

и увязнешь по шею. Прямо как на работе: ввязываешься в юридический спор, не ознакомившись с прецедентами.

— Если за последние несколько минут не обзавелась экстрасенсорными способностями, не знаю. Бармен ведь так вас назвал? Мне показалось, вы знакомы.

Целую минуту Конор молча смотрел на нее и явно что-то обдумывал. И судя по тому, как смягчилось его лицо, он признал Ханну невиновной по всем пунктам.

— Простите, вы же англичанка. Да, меня зовут Конор. И я проявил неучтивость, хотя вы так любезно меня спасли.

— Есть такое. — Ханне все еще казалось, что она провалилась в другое измерение. — Хотя обычно я людей не спасаю. По крайней мере, таким способом.

— Рад это слышать. — Неожиданно Конор снова заулыбался. Ханна вновь обрела почву под ногами, хотя и по-прежнему не знала, что сказать. Что вообще принято говорить, когда тебя едва не зацеловали до потери памяти?

— Я Ханна.

И она протянула руку в официальном жесте. Надо же восстановить хоть какое-то подобие контроля.

— Конор. — Он пожал руку. — Могу я вас угостить?

И он указал на пустой бокал.

— Вряд ли это хорошая идея. Думаю, из-за этого я в затруднительное положение и попала.

— Затруднительное положение. — Конор словно попробовал эти слова на вкус, произнес их со своим мягким ирландским акцентом, от которого у Ханны

завибрировало где-то в районе солнечного сплетения. — Это я — затруднительное положение?

— Ну да. — Ханна пожала плечами.

— Мне нравится. А что вы пили?

Как тут устоять?

— Красное вино. Бордо.

— Разбираетесь в винах?

Она рассмеялась.

— Нет. Просто это понравилось.

— А больше ничего и не нужно.

Конор встал и показал бармену на пустой бокал Ханна.

— Вот так, значит? И вас все слушаются?

Конор ухмыльнулся. В его глазах заплясали чертята.

— Ясное дело.

— Самоуверенности вам не занимать.

— Еще бы, иначе кто на меня внимание обратит?

— Это верно, — кивнула Ханна.

— Так каким ветром вас в наши края занесло? Девичник? Мальчишник? Выходные? Или по работе?

Ханна заколебалась.

Уже достаточно народу покрутило пальцем у виска, узнав, что она сорвалась на шестинедельные кулинарные курсы. Еще постороннего типа не хватало.

— Да так, отпуск.

— Боюсь, с погодой не повезло.

— Не знала, что сюда ездят за погодой.

— Вообще нет, — улыбнулся Конор. — Но когда не льет как из ведра, места красивее не сыщешь.

— Вы говорите, как настоящий ирландец, — заметила Ханна.